

Первый день рождения Сакуры был незначительным событием, омраченным событиями ее брата и сестры, произошедшими в предыдущие и последующие недели. Ее второй праздник был гораздо более грандиозным, своего рода особенно впечатляющим праздником, потому что, по всей видимости, они думали, что это был первый праздник, который она запомнит. Ее третий оказался где-то посередине: со сладостями и играми, но не так много братьев и сестер, которые могли это сделать, и не так много внимания, сосредоточенного исключительно на ней.

Однако что сделало ее третий день рождения еще более запоминающимся, так это то, что на следующий день ее впервые отправили учиться вместе с шестью другими Яманака, которые готовились к следующему летнему или зимнему поступлению в Академию.

Что касается физических возможностей, Сакура не могла рассчитывать на конкуренцию. Она была намного лучше, чем большинство других трехлетних детей, но у нее не было такой координации и скорости, как у четырех-, пяти- и шестилетних детей, с которыми она делила уроки.

А во всем остальном?

Большинству остальных пришлось физически заставлять свое внимание удерживаться дольше 30 минут. Сакура регулярно дотягивала до часа, прежде чем обнаруживала, что ее мысли блуждают. Большинство остальных могли перечислить пятнадцать, может быть, двадцать растений и некоторые их качества. Она дожила до 32 лет. Эта закономерность продолжалась почти на каждом уроке, на котором их учили: именно она лучше всех разбиралась в чакре (хотя, по общему признанию, далеко не в совершенстве), она, по крайней мере, знала все, что ей нужно было делать, чтобы выжить, используя только базовый комплект шиноби в лесу, она, которая распознавала больше всего оружия, когда оно было помещено перед группой, она, которая (обычно) умудрялась организовать хронологию исторических событий, к которым их начали правильно обучать.

Но она все еще едва могла правильно держать кунай, не говоря уже о сюрикене. Она по-прежнему сдавалась первой, когда они выполняли какие-либо физические упражнения, и ее больше всего приходилось исправлять, когда они проходили ката. Ее руки отказывались сотрудничать, когда она пыталась делать знаки руками.

Итак, ее сверстники до Академии, казалось, были очень озадачены тем, стоит ли ей ревновать. Этот спор был быстро улажен, однако, когда годовалую Иноичи начали приводить к урокам на несколько часов в день, «просто для наблюдения», общее мнение в классе, похоже, заключалось в том, что она, по крайней мере, ходит на горшок. обучена, поэтому она не могла быть настолько плохой.

Однако в июне, когда до ее начала оставался всего месяц, Сакура решила сделать то, чего торжественно поклялась не делать.

Ночью, когда все, от Каа-сана до двухлетней Химари, несомненно, крепко спали, когда фанаты, стратегически расположенные вокруг дома, мало что делали, чтобы удержать ее волосы от прилипания к ее лицу, она закрыла глаза и однажды Более того, открыл шлюзы для воспоминаний Арден.

Они проносились мимо нее так же, как и в прошлый раз, вторгаясь в ее сознание и почти не оставляя места, чтобы дышать, думать, действовать. Но ужас, который она пережила со злым доктором, очевидно, все-таки имел цель, потому что из-за огромного объема она не сломалась, как в прошлый раз.

Вместо этого она заставила себя игнорировать большую часть воспоминаний и вместо этого ухватить одно воспоминание, а затем другое. Арден оставила ей кладезь информации, и она ни за что не могла пойти в Академию, не получив доступа хотя бы к ее части.

Она ухватила за самую маленькую цепочку воспоминаний, с которой столкнулась, серию очевидно связанных кусочков информации, которые Арден, по-видимому, вводил последовательно, кусочков, которые, как быстро поняла Сакура, содержали реальную жизнь Арден, и первое, что она узнала, было то, что к тому времени, когда Арден пихал информация в нее, большая ее часть давно исчезла, уже исчезла, как в конечном итоге исчезнет Арден. Конечно, вспышки все еще были — качели, на которых она, очевидно, провела большую часть своего детства; жуткое воспоминание, связанное с тем, что называется телевизором, падающими башнями, падением и множеством плача; счастливое воспоминание, в котором кто-то (сестра Арден?) бросал букет, а другая девушка кричала от радости, поймав его; стресс экзамена наложился на образ «спортивного зала», заполненного рядами столов и стульев...

Арден не могла быть старше двадцати лет, когда она умерла, но те воспоминания, которые остались, свидетельствовали о полноценной жизни, состоящей из того же постоянного чувства удовлетворения, которое Сакура теперь испытывала в этой жизни.

Однако ее воспоминания об анатомии были совсем другой историей.

Во-первых, этого было больше, хотя Сакура знала, что это была лишь часть того, чему Арден научилась в своей жизни. С другой стороны, казалось, что явные воспоминания менее... легко проникали в ее воспоминания об этом мире. В конце концов, было слишком просто игнорировать тот факт, что ни в одном из ее воспоминаний не было никакого упоминания о чакре — гораздо труднее было погрузиться в воспоминания Арден об изучении человеческого тела и понять, что чакры, казалось, просто не существовало. Даже в три года Сакура была проинструктирована о преимуществах жизненной силы, помимо простого существования: способность использовать чакру, как это умеют люди, позволяла им развивать свои мышцы дальше, заставлять мозг работать усерднее, контролировать природу в любых обстоятельствах, так, как они мечтали, при наличии достаточных знаний и времени.

В мире Ардена, похоже, этого не было.

Однако только когда она наконец получила информацию Арден о коже, она поняла, что солнце начало восходить. За это время ей удалось пережить примерно 1/10 000 того, что осталось у Ардена, и это было оптимистично. Но она не спала уже около двадцати четырех часов, и Химари плакала, потому что, очевидно, намочилась в постель, а Каа-сан бросился в комнату, чтобы разобраться с этим, только чтобы заметить Сакуру и ее явное изнеможение. и прежде чем Каа-сан успела испугаться, Сакура, заикаясь, солгала о действительно странном сне, в котором обезьяна готовила томатный суп, а ее мать проверяла ее на предмет лихорадки и велела ей оставаться в постели.

Сакура снова прикасалась к воспоминаниям только через два дня, а затем ограничилась получасом в ночь.

Этого было недостаточно, чтобы пережить многое, едва хватало на поиск воспоминаний, на которые можно было бы взглянуть, но она не доверяла себе, чтобы посвятить больше времени Ардену — в прошлом все пошло не так, и если это казалось возможным, Сакура предпочла бы вообще не иметь дело с воспоминаниями.

К моменту начала следующей группы Академии она уже закончила большую часть

воспоминаний Ардена по анатомии человека и пришла к выводу, что по крайней мере половина из них не имеет значения. Ей следовало начать с воспоминаний Ардена о ее мире, которые, как она знала, были у Ардена, но поначалу она не смогла их найти, поскольку они были затеряны в море информации. Тем не менее, она была вполне уверена, что все будет лучше, чем глубокое понимание человекоподобной формы жизни, которой был Арден, формы жизни, которая не существовала здесь (по крайней мере, в точной копии).

С другой стороны, ее способность запоминать и понимать, казалось, возрастала с каждым воспоминанием, которое она воспринимала, независимо от его материала, поэтому ей удалось получить высшие оценки на предакадемическом курсе во всем, что имело отдаленное отношение к образованию. Иноичи, которому сейчас полтора года, мог считать до десяти. Ему аплодировали первым.

Академия, или, по крайней мере, та, которую собиралась посещать Сакура, и единственная в самой Конохе, располагалась внутри штаб-квартиры шиноби на одной стороне здания, которое само располагалось на самом краю города, напротив главного здания. Ворота. Путь туда оказался не таким уж и трудным — она и ее мать (отец, к сожалению, снова исчез незадолго до ее дня рождения), а также остальные студенты Академии, новые и старые, просто свернули налево. от главных ворот Яманака, затем прямо на главной дороге. По общему признанию, это было довольно долгое путешествие — большинство детей старшего возраста в тот или иной момент мчались вперед, устав от скорости «ростков».

Это был не первый визит Сакуры в Коноху. В конце концов, у нее были регулярные встречи с Нарой Шин и Акимичи Джуро. Дело в том, что они всегда выходили из комплекса, чтобы добраться до них, пересекая, конечно, основные дороги, но не главную дорогу, а это означало, что это был ее первый взгляд на улицу, которую часто называли «хребтом» Конохи.

Она предположила, что там было... занято. Было еще рано: формально Академия начиналась в семь, но Яманака всегда начинали свое путешествие в первый день в шесть. Это означало, что большую часть движения на дороге теперь составляли либо торговцы и им подобные, готовившие свои рестораны на день, либо другие студенты, направлявшиеся в то же место, где они были, и казалось, что большая часть последних все еще спала.

Тем не менее, количество повозок, лошадей, продуктов и людей оказалось намного больше, чем она ожидала. Единственная причина, по которой она знала, что с технической точки зрения оно достаточно пусто, заключалась в том, что дорога явно могла выдержать в четыре или пять раз больше людей, и потому, что, несмотря на то, что она была заставлена розничными магазинами, казалось, никто не делал покупок, и большинство магазинов, похоже, были закрыты.

На самом деле это сделало его бизнес еще более заметным.

Кроме того, самым впечатляющим участком дороги была та часть, куда они направлялись прямо: три лица, высеченные из камня, выгравированные с мельчайшими деталями, идеально расположенные так, что по крайней мере одно из них можно было увидеть независимо от того, где находится дорога. главная дорога, на которой ты стоял.

«Хокаге!» Сакура сказала. Двоюродный брат согласился и начал говорить о том, почему это был такой явный признак гениальности первого Хокаге, когда другой двоюродный брат начал говорить о первом, объясняя, почему третий Хокаге, очевидно, был лучшим, несмотря, конечно, на то, что он никогда не встречал мужчину. Затем другой двоюродный брат прервал его, отметив, что его отец был настолько замечательным, что он должен быть Хокаге.

Взрослые улыбались, счастливые, видя, как безобидные дебаты стирают нервы всех детей, которых они притворялись несуществующими.

Сакура была больше озабочена тем, как какая-то часть ее узнала все лица, несмотря на то, что она встречала только одного из мужчин и никогда не видела фотографий других.

Ей действительно нужно было разобраться в воспоминаниях Арден.

Но сейчас, когда они наконец прибыли в Академию, которая только сейчас заполнялась первыми прибывшими, было не время.

Почти невольно Сакура обнаружила, что ее отталкивают от матери, от ее клана. Один из ее однокурсников Яманаки, преследующий пятилетний ребенок по имени Гаку, взял на себя инициативу, введя остальных в рой сверстников такого же размера, каким-то образом сумев поставить их рядом с детьми клана Нара, с Акимичи прямо перед ними. Поскольку толпа продолжала расти, Сакура снова почувствовала, что ее тронули. Это было не... это не было намеренно, точно. Или, возможно, так оно и было, но не... специфично для конкретного человека? Просто всякий раз, когда она узнавала одного из своих сверстников до Академии, она помогала подтолкнуть их ближе, основываясь на том, где, как она знала, они находились, и всякий раз, когда кто-то видел одного из ее партнеров, они делали то же самое.

Вся эта история с Ино-Шика-Чо им действительно очень сильно навязали.

Тем не менее, Сакуре было странно приятно знать, что вечно тихий Шин и мягко любознательный Джуро будут рядом с ней, и было приятно иметь их буквально, когда толпа стала настолько большой, что ее начали выталкивать вперед, несмотря ни на что. что она сделала. Каждый мальчик схватил одну из ее рук (поскольку она была, безусловно, самой маленькой и, следовательно, наименее способной остановить силу толпы, толкающей ее назад и вперед) и физически удерживал ее на месте. Даже Джуро, после нескольких минут лечения, начал украдкой искать ноги, на которые можно наступить (кого волнует, что это был его брат Куро, лишь бы все перестали пихаться?), а Шин начал незаметно подводить их ближе к в середине группы Ино-Сика-Чо, где в целом движения было меньше.

Наконец, прозвенел гонг. За время, прошедшее с момента их прибытия, небольшой двор рядом со школой, куда стекались все первокурсники, превратился из семидесяти или около того жителей в более чем двести.

Арато однажды сказал ей, что большинство лет начиналось именно там; «В моем классе 256 человек, — объяснил он, — но большинство со временем уходят, потому что многие гражданские просто хотят воспользоваться бесплатным образованием. Тем не менее, обычно к десяти уже меньше пятидесяти. Видите ли, вы берете группа, в которой вы начинаете, и примерно половина уходит до конца года, большая часть в течение первого семестра, в результате чего остается 128 человек. Затем в течение следующего полного года (второго года) обычно увольняются около двух дюжин, в результате чего остается, скажем, 100. В следующем году, в третьем году вы не увидите, чтобы слишком много людей ушло, может быть, десять или около того, но в четвертый год они действительно нагнетают давление, так что обычно вы падаете примерно до пятидесяти. люди, бросающие учебу в течение пяти или шести лет,

Сакура огляделась вокруг. С ее точки зрения, с ее ростом, она не могла видеть никого, кроме Яманаки, Нары и Акимичи, но она знала, что группа из них вместе составляла около двенадцати студентов ее курса и семестра. Она задавалась вопросом, кто из ее кузенов не захочет остаться и уйдут ли вместе с ними их партнеры.

Конечно, она не должна была так думать. Судя по словам Хокаге, который в настоящее время поэтично относился к классу, она должна была думать о том, как поддерживать своих собратьев-ниндзя, чтобы они все могли расти, процветать и вместе защищать Коноху.

Она подумала о своем четвертом старшем брате Камуи, который бросил учебу, когда ему было девять лет. Она знала, что он защитил бы Коноху, если бы пришлось, но она также знала, что он хотел бы быть где-нибудь еще, когда делал это: боль, как отдающая, так и получающая, никогда не обращалась к нему. Если бы в ее классе были еще такие люди, она бы не приложила никаких усилий, чтобы помешать им быть счастливыми, какими бы красивыми ни были слова Хокаге. Но слова мужчины все еще имели силу, и, прежде чем она это осознала, Сакура тоже решила поступить так же, как ее мать, и попытаться убедить их попытаться еще немного, на случай, если они тем временем могут передумать.

Сейчас он говорил о воле огня и о том, как деревья, несмотря на то, что их обычно считают невероятно легковоспламеняющимися, выстоят во время лесного пожара и в целом станут сильнее, когда он закончится. Его слова, казалось, наполнили ее вены энергией, и она внезапно смогла представить, как сражается на стороне Шина и Джуро, защищая людей, которых она любила, и отказываясь сдаваться, даже когда вся надежда была потеряна, и благодаря этому побеждает.

«Воля огня во всех твоих жилах, — закончил Хокаге, — и именно здесь ты научишься ее использовать».

После такой речи для главы Академии было почти преступлением просто начать монотонно перечислять названия различных классов, полностью убивая достигнутый дух.

Было объяснено, что должно быть пять новых классов. Каждый раз, когда число двух классов становилось меньше 25, они объединялись. Интересно, что без какого-либо официального объявления ни одна из заранее созданных команд Ино-Сика-Чо не была разделена. Шин, Джуро и Сакура были помещены в третий класс под руководством сенсея Масару без особой помпы, и медленно, дюйм за дюймом, человек за человеком, толпа во дворе сформировалась в пять смутно милитаристских рядов — пять поперек, десять вниз, оставляя почти идеальные ряды, учитывая, что в каждой группе было от 47 до 48 учеников.

А затем, с еще меньшей помпой, каждую группу провели в один из классов на верхнем этаже.

Академия имела шесть этажей.

Предполагалось, что Сакура будет подниматься по пять лестничных пролетов по крайней мере четыре раза в день, каждый день — вставать утром, выходить и идти на уроки физкультуры, а затем спускаться вечером.

Каждый день.

Сакура теперь немного лучше поняла, почему так много людей бросают учебу в первый год обучения.

Пятеро ее одноклассников наотрез отказались двигаться в разных местах и были брошены на месте.

У пятой лестницы, каждая из которых была до боли высокой, потому что, очевидно, каждый уровень должен был находиться на расстоянии не менее пятнадцати футов друг от друга, Сакура почти ползла.

Сенсей Масару, похоже, это не волновало.

Даже когда они, наконец, достигли вершины, вершины, цели — он не позволил им остановиться и отдохнуть. Вместо этого их быстро провели в первый класс слева, где сэнсэй Масару указал на каждую парту одну за другой и объявил, кто где будет сидеть.

Сакура разместилась во втором ряду, между Шином и Джуро, позади двух Хьюг и Учихи.

Сакура поняла, что весь первый ряд и примерно половина второго были детьми клана, а остальная часть класса со второго по четвертый ряд была заполнена детьми средней внешности и сиротами. В пятом, напротив, находились те, кто был явно богаче или беднее остального класса.

Она задавалась вопросом, имеет ли их размещение какое-либо отношение к тому, насколько вероятно, что они бросят учебу. Она думала, что, вероятно, так оно и было — некоторые из более богатых студентов в заднем ряду были наиболее явно недовольны лестницей и носили одежду, явно не подходящую для каких-либо упражнений, и Сакура знала, что Академия не была бесплатной, на самом деле — требовалось время, больше времени, чем в традиционных школах, и ни одному ребенку не разрешалось работать во время учебы.

Жители первого и второго ряда, которых она узнала, были более интересными. Например, в этом классе всего было три Хьюги — близнецы, которые сидели перед ней, а также еще один, который был очень справа во втором ряду. Еще было двое Учих, хотя она не думала, что они братья и сестры; оба сидели в первом ряду. Остальную часть первого ряда составляли Шимура, два Сарутоби и еще одно трио Ино-Шика-Чо, попавшее в класс — она знала, что они были племянницами и племянниками нынешних лидеров.

Остальную часть ее ряда заняли пара близнецов Инузука и несколько оставшихся учеников, более спортивного вида.

— А ведь, — начал сэнсэй Масару, и все взгляды устремились вперед, как будто против их воли, — я уверен, вы заметили, что вы все организованы очень специфическим образом. Проще говоря, чем ближе вы к Я, конечно, могу ошибаться, и я приветствую этот шанс, как и любой другой — в конце концов, я доказал, что мой собственный сенсей ошибался, и я призываю всех вас, находящихся сзади, сделай то же самое. Тем не менее, тебя не переведут наверх, пока ты не докажешь мне, что у тебя есть хоть капля навыков. Точно так же тебя не переведут назад, пока ты меня не разочаруешь».

Словно по команде один из отставших толкнул дверь. Она явно была девочкой-сиротой — им всем дали носить один и тот же символ Узу в честь их родственной деревни — но там, где сидели остальные трое, больше не было места. Двое других отставших, девочка и мальчик, передумали сдаваться и сумели вовремя наверстать упущенное, чтобы получить эти места. «Показательный пример: из-за того, что вы задержались с передуманием, вы обнаружите, что ваше место находится в заднем ряду. Пожалуйста, найдите его, прежде чем я решу, что места нет даже в этом здании», — она бросилась вперед и схватила одно, оставив свободными только пять мест. Сэнсэй Масару взглянул на часы, затем твердо кивнул. Он повернулся к окну и открыл его, не обращая внимания на комнату, полную взглядов, прежде чем пройти в конец комнаты и занять каждое свободное место одно за другим.

Затем он прошёл вперед и совершенно бесцеремонно вышвырнул всех пятерых из окна.

Класс вздрогнул, когда они упали на землю. Через несколько секунд послышался еще один стук, якобы от того же самого, происходящего в соседней комнате.

В этот момент дверь класса снова открылась, и появился краснолицый мальчик, который, казалось, разрывался между приступом ярости и обмороком, пытаясь отдышаться.

«Вы так и не ответили на мой вопрос о том, почему мы находимся на верхнем этаже!» Он огрызнулся. — Знаешь, это очень грубо. Ты мог бы хотя бы нести меня — ты же видел, что у меня проблемы!

Сэнсэй Масару подошел к доске в передней части комнаты и начал писать расписание на день.

«Привет? Ты меня слышишь? Ты глухой?» Сакура уставилась на мальчика широко раскрытыми глазами, зачарованно. Она никогда не слышала, чтобы ребенок так разговаривал со взрослым. Ей было интересно, кем был этот мальчик, что он, кажется, считал, что именно он заслуживает уважения. О, кажется, мальчик только что понял, что в классе нет свободных стульев.

«Где мне сидеть?» Он заскулил. «Я дошёл до сюда и даже сесть не могу?!»

Учиха перед Джуро ухмыльнулся и пробормотал: «Ты всегда можешь сесть на пол».

«Т-т-! Вы ожидаете, что я буду сидеть на полу!»

Сэнсэй Масару по-прежнему игнорировал мальчика и перешел к перечислению физических и умственных требований, которых они должны были достичь к концу семестра.

"Ты!" - сказал мальчик. Он указывал на одного из сирот — ближайшего к правому столу третьего ряда, где был путь для входа и выхода. "Вставать!"

Сирота (Ясуо?) посмотрел на отставшего, затем на сенсея Масару, затем снова на отставшего. Он покачал головой.

"Ты меня слышишь?" - сказал отставший. «Меня зовут Сайто Такаши! Мой дядя владеет самым популярным банком в Конохе! Ты просто сирота, у тебя вообще нет семьи! Когда я говорю тебе что-то сделать, ты это делаешь!»

Ясуо снова взглянул на сэнсэя Масару, который еще не отвернулся от доски и теперь чертил диаграммы для своего первого урока дня (грамматики), а затем снова покачал головой.

Такаши, очевидно, сыт по горло, и он бросился к Ясуо, одновременно подняв руку. Ясуо вздрогнул, но прежде чем пощечина успела достичь цели, Сэнсэй уже был рядом, сжимая руку Такаши явно болезненной хваткой и не делая никаких усилий пошевелиться.

«Ясуо».

— Да, сэнсэй?

«Пожалуйста, поменяйтесь местами с Теру Инузукой».

«Что я сделал?!» Теру огрызнулся, но его сестра Кегава успокоила его.

«Вы были в лучшей позиции, чтобы остановить это, и ничего не сделали. Поменяйтесь местами, сейчас же».

Это было правдой — Теру сидел прямо перед Ясуо, и к тому времени, как Такаши начал бросаться вперед, он уже стоял рядом с Инузукой, что технически затрудняло Сарутоби, сидевшему в конце первого ряда, сделать это. что-нибудь. Тем не менее, Сакура не была точно

уверена, что он должен был сделать.

Тем не менее, оба мальчика осторожно поменялись местами, медленно обходя статного сенсея Масару и внезапно замолкающего и явно напуганного Такаши в его руках.

«Что касается тебя... Сайто... пожалуйста, иди домой сейчас же и объясни своей матери, и своему отцу, и своему дяде, и всем остальным членам семьи, которыми ты считаешь нужным похвастаться, что тебя выгнали из Академии. И, пожалуйста, я настаиваю, скажи им, чтобы они пришли ко мне, если у них возникнут вопросы, почему, - Сэнсэй отпустил хватку, Такаши выпустил мочевой пузырь, и они отошли достаточно далеко, чтобы последняя выскользнула из класса почти быстрее, чем Сакура. успел моргнуть.

Ни один из других отставших не появлялся до конца дня, и Сакура задавалась вопросом, думали ли они об этом, пока не увидели выходявшего Такаши.

О чем бы они ни думали, ученики в классе знали правду: никто никогда не ослушается сэнсэя Масару, пока в их телах еще осталась хоть капля разума.

Однако ничто из этого не компенсировало последующее осознание Сакурой: в Академии было скучно.

Очень скучно.

Очень, очень скучно.

Она задавалась вопросом, приходилось ли Арден когда-нибудь повторять оценку, как это делали некоторые в Академии после шестого курса, и есть ли у нее какие-нибудь советы, как справиться с отупляющей скукой от того, что она уже изучила всю информацию ранее.

Она была почти уверена, что решение Шина тупо смотреть перед собой и настолько полностью отключиться, что он никогда не отвечал ни на один вопрос, не было идеальным, но тогда план Джуро выпускать муравья каждый день и пытаться следить за ним, пока они не уйдут, не сработал. Это тоже кажется замечательным, и, судя по тому, как боролись некоторые из ее одноклассников, отсутствие предакадемической подготовки также было очень плохой идеей, и в любом случае ее слишком поздно реализовывать.

Поэтому вместо этого она застряла, потеряв рассудок, в то время как Сэнсэй действовал так, как будто никто из них не знал ничего, кроме сложения и базового чтения, но каким-то образом обладал скоростью обучения, как у Нара.

К концу первой недели половина третьего ряда отодвинулась на ряд назад, а половина четвертого ряда переместилась вперед. Никто в первом или втором ряду вообще не двинулся с места, включая Ясуо, которому каким-то образом удавалось преодолевать каждое испытание со все более узким отрывом, отчаянно пытаясь показать, что он достоин своего места. С другой стороны, остальные нечлены клана во втором ряду, казалось, полагались на свои силы, а не на мозг, чтобы сохранить свои позиции, и пока это работало.

Что касается Сакуры, Шина и Джуро, то они еще не получили ничего, кроме отличных оценок, и в то же время проходили частные тренировки дома, чтобы не отставать. (Это, конечно, было в порядке вещей для клановых детей, но всё же.)

Еще одним важным моментом в Академии были люди. Сакура всегда любила людей. Ей нравилось проводить время со своими братьями и сестрами, тетями и дядями, кузенами — в

общем, со всеми, кто был доступен. Она просто больше не умела инициировать контакт. После... после того, как она провела в белой комнате, страдая от боли, мысль о том, чтобы просто бродить по людям, как она раньше, наполняла ее своего рода неопределенной тревогой, которую ей было трудно контролировать (это, а также поведение Шина и Джуро). , возможно, привело к тому, что ее команда Ино-Сика-Чо в течение первой недели Академии получила собирательное название «чинмоку», или молчание.)

Хотя у ее приобретенной сдержанности была причина, ее преимущество заключалось в том, что она давала ей время и обстоятельства, необходимые для наблюдения за своими сверстниками и попытки понять как можно больше без прямых вопросов.

Хьюга, например, не любили разговаривать. Близнецы — Хизаши и Хиаши, как узнала Сакура, были главным домом Хьюги, им обоим было по пять лет, и они были очень конкурентоспособны, но только друг с другом — они не считали никого достойным своего времени. Третий, Хироки, был ветвью Хьюги и разговаривал только с близнецами, и только тогда делал все, что они от него хотели. Сакура... старалась не слишком много думать об этих отношениях.

С Учихой ей тоже было трудно познакомиться. Как правило, они были довольно замкнутыми, и, хотя они время от времени разговаривали с другими детьми кланов (включая команду чинмоку), они никогда не разговаривали ни с кем другим, а в основном просто разговаривали друг с другом всякий раз, когда разговор нужно было вести. все.

По крайней мере, Инузука были веселы. Хотя они были разделены, Теру и Кегава не позволили этому помешать им регулярно разговаривать, даже принимая одно или два неизбежных наказания всякий раз, когда они позволяли своему пау-вау в перекрестных рядах длиться слишком долго. Они также разговаривали с теми, кто находился рядом с ними, казался интересным или находился в том же здании. Короче говоря, если Хьюга и Учиха говорили слишком мало, то Инузука говорил слишком много.

Хотя даже они не так часто разговаривали с Сакурой. По крайней мере, они пытались, но нашли ее странной из-за того, что она такая молодая, и еще более странной из-за того, что она не была создана исключительно из энергии, как они. Они намного лучше ладили с теми, кто уже был явно ориентирован на Тайдзюцу; те, кто хотел бороться и драться во время перемены, были бы прокляты правила.

Из остальных обитателей первых двух рядов Сакура, вероятно, меньше всего ладила с Шимурой Рётёй, и он больше всего на свете был причиной масштаба ее изменения в поведении, несмотря на то, что началось оно задолго до Академии. С другими детьми клана все было в порядке; У детей Сарутоби была почти та же проблема, что и у Инузука: слишком много энергии, слишком много эмоций, и все это заполняло одно маленькое тело (два раза). бесконечный источник хорошего юмора, из которого можно черпать энергию, независимо от ситуации. Другое трио Ино-Сика-Чо, Сакура, вероятно, ладило лучше всех, даже если они вели себя совсем не так, как она (ее кузина больше сплетничала, Нара была проклята комплексом превосходства, а Акимичи явно вообще не хотели там находиться; они заслужили имя зацуон и носили это звание с гордостью.)

С другой стороны, Рёта Шимура был не более чем хулиганом.

В классе была девочка, одна из сирот по имени Морино Сатико, которая, хотя и была довольно умной, страдала ужасным заиканием, которое она не могла контролировать. Каждый день, хотя бы раз в день, Шимура обязательно указывал на это, указывал на то, насколько она не

подходит для работы ниндзя, и один раз, когда он был абсолютно уверен, что ни Сэнсэй, ни кто-либо из его одноклассников (за исключением Сакура, но откуда он мог знать, что она отстала от остального класса из-за какого-то необъяснимого чувства беспокойства), о том, что единственная работа, для которой она годилась, заключалась в том, что она лежала на спине.

И Шимуре, и Морино было по пять лет.

И что самое худшее, самое ужасное?

Шимура был популярен.

Она предположила, что это было отчасти поклонением героям — клан Шимура был крупным кланом еще до основания Конохи, и их решение переехать сюда во многом считалось причиной успеха города. Она знала, что дело было также в его внешности. Он был высоким, красивым и спортивным даже в своем юном возрасте — чего еще можно желать? Его харизма в сочетании с привычкой брать других под свое крыло, вероятно, тоже помогла, и к концу первого месяца ему удалось заставить более половины детей, не принадлежащих к клану, начать прислушиваться к его словам, как будто они были Евангелием.

Но он также говорил эти вещи Морино и активно подталкивал всех, кого считал недостойными (слишком женственными, слишком слабыми, слишком рассеянными, слишком ребячливыми...) уйти. Ему это удалось уже трижды. Сенсея Масару, похоже, это не волновало.

Помимо детей клана, а также Инузука третьего ряда, Ясуо второго ряда и Морино Сатико, осталось еще двое сирот, четырнадцать детей из семей шиноби, двое детей из бедных семей и семеро детей побогаче.

Если то же самое справедливо и для остальных классов, то школа уже потеряла около 30 учеников. Сакура знала, что еще около 100 человек уйдут, прежде чем снова наступит июль.

Она задавалась вопросом, могла бы она изменить это число, сделать его меньше и менее разрушительным. В конце концов, Камуи ушел по собственной воле, чтобы осуществить желания, которые карьера шиноби просто не могла осуществить. А дети, которые уже уехали? Двое из них так и не дошли до класса, и она все равно не видела, чтобы они проявляли упорство, а еще один — Такаши — произвел такое плохое впечатление, что Сакура была бы поражена, если бы ему разрешили вернуться в следующий год, что обычно является вариантом. оставлено открытым для всех отчисленных на первом курсе.

Но остальные трое... Первый ушел на первой неделе, после того, как он плакал, не зная ответа в классе, а час спустя Шимура прижал его к стене во время перемены и пробормотал что-то слишком тихо, чтобы кто-то мог услышать. Второй уехал почти две недели спустя, когда Шимура устал от своего постоянного последнего места в гонках и натравил на нее свою недавно приобретенную банду - она не дожидаясь даже до конца дня. Третий ушел всего за три дня до конца месяца, когда вскоре после обеда у него случилась паническая атака, и он выбежал за дверь, а второй Шимура открыл рот.

Последний был частью банды Шимуры еще до того, как это произошло.

Сакуре не потребовалось много времени, чтобы понять, что именно этого хочет Академия. Ей было трудно поверить, что что-то ускользнуло от внимания сэнсэя Масару, и все же он ни разу не вмешался в происходящее в классе. Фактически, пока вы не прерываете его уроки, он вообще не будет налагать дисциплину. Конечно, были правила — никакой борьбы на переменах, никаких воровства, никаких издевательств...

Проблема заключалась в том, что правила не соблюдались, и хотя наказания за разговоры во время лекции были четко обозначены, о наказании за то, что одноклассник плакал, даже не стоило упоминать.

Если, конечно, они существуют.

Однако ее жизнь не началась и не закончилась в Академии. После школы она не обращала внимания на то, что произошло в тот день, и вместо этого бегала, играла и читала своей младшей сестре Химари. Но самая большая перемена произошла благодаря тому часу, который она проводила каждую ночь, потерявшись в своей голове.

Ей все еще, даже несмотря на приближение зимы, еще не удалось найти воспоминания о ее собственном мире, которые, как она знала, существовали. Она искала их, иногда целый час, но найти их среди кучи другой информации было невозможно. Чтобы справиться с этим, она начала принимать часть этого в себя.

Просто это оказалось не так просто, как она надеялась. Например, от математической информации у нее так быстро началась мигрень, что ей пришлось остановиться на ночь. Точно так же она обнаружила, что с точки зрения всего, что связано с химией, ей требовалось от пяти до десяти попыток по-настоящему понять, и только когда это произошло, это перестанет засорять ее мозг, как только она откроет шлюзы.

Однако ей удалось пережить многие истории, а также, по сути, все понимание Арден английского языка как в устной, так и в письменной форме, но главным образом потому, что последнее было настолько переплетено с остальными воспоминаниями Арден, что каждый раз она изучила один, это помогло ей лучше понять английские воспоминания.

Однако вскоре после дня рождения Акины и Арато она наткнулась на воспоминания, которые действительно казались полезными в ближайшем будущем: понимание Арденом психологии.

Конечно, их было много, и не все они были в полной мере (проблема, разделяемая и с большинством других воспоминаний Ардена), но они все же содержали некоторые мировоззрения Ардена на этику (которые были с самого начала совершенно явно далекий от экспериментов Сакуры), а также психологические эксперименты, которые были настолько полезны, но, тем не менее, побудили ввести правила, чтобы предотвратить их повторение.

Эти эксперименты ее очаровали.

Люди, как она уже знала, были весьма податливыми существами. С помощью правильных слов и правильных действий вы можете заставить почти каждого сделать почти все. Проблема заключалась в том, что, хотя она знала, что это так, хотя она видела это в действии каждый день в Академии, сама она не приложила особых усилий, чтобы практиковать это на себе.

Жизнь Сакуры была легкой и простой, и от нее, как и от значительной части остального клана Яманака, ожидалось, что она вырастет настоящим ниндзя (если очень хорошим) и будет жить относительно непринужденной жизнью в пределах границ Конохи. . Итак, играем в интеллектуальные игры? Это не было первым, о чем она думала.

Не то чтобы Яманака не были одарены в этом - они, как она знала, считались одними из лучших сотрудников отдела T&I, и чем старше она становилась, тем больше она убеждалась, что именно там работала ее мать. каждую ночь, спустя долгое время после того, как все ее дети заснули.

Это просто...

Сакура никогда не чувствовала себя комфортно, причиняя людям боль. И, насколько она могла судить, не только способность манипулировать, но и способность добровольно и без угрызений совести причинять боль кому-то, была хорошим шиноби Т&И. Передовые шиноби, конечно, тоже нанесли немало вреда людям, но сделали они это в тот момент, когда их противник представлял прямую угрозу жизни их себе и товарищам. Ниндзя, специализирующимся на убийствах, тоже пережили это легче: их цель, возможно, и не представляла непосредственной угрозы, но они все равно явно представляли угрозу.

Те, кто был в Т&И, брали уже нейтрализованных врагов, а затем причиняли им еще больший вред, чтобы получить хотя бы малейшую каплю информации, которая могла быть у этого врага, независимо от того, дал ли им уже другой источник то, что было необходимо, или нет.

А Сакура не знала, способна ли она на это, поэтому даже не пыталась.

Тем не менее, психология в ее сознании приводила ее в восторг, и наблюдение за ней в действии в классе изо дня в день делало ее еще более реальной и мощной.

Она видела, как дети, облеченные властью, делали то, о чем обычно даже не мечтали, не потому, что им велели это делать, а просто из-за вызывающего привыкание характера власти, протекающей через их мозг. Она видела, как один мальчик из банды Шимуры начал задаваться вопросом, действительно ли было правильно бить другого мальчика в живот, когда он уже лежал, только чтобы поддаться давлению сверстников и согласиться с тем, что он действительно этого заслужил. Она видела себя неспособной защитить этих детей и все больше старалась использовать Тайдзюцу, чтобы компенсировать эту предполагаемую неудачу. В каждой лекции она видела постоянные напоминания о силе Листа и опасности других деревень; прилагаются все усилия, чтобы ее сверстники воспринимали все, что не является ими, как угрозу, как нечто, что, возможно, необходимо истребить.

Академия действительно неплохо справлялась со своим делом — забирала детей и превращала их в солдат. Он взял необработанную глину и создал человека, который мог думать, но знал, когда этого делать нельзя; кто мог следовать правилам, но нарушать их при наличии правильной мотивации; кто мог убить и выйти на другой конец относительно невредимым.

Сакура знала все это, но каждую ночь она все равно впитывала психологические знания Арден. Если бы существовал лучший и менее болезненный способ добиться тех же результатов, она бы попыталась воплотить его в жизнь, какой бы сложной ни была идея.

(Тем временем, однако, она продолжала чувствовать себя проклятой из-за неспособности набраться смелости и действовать.)

В конце семестра в классе выступило несколько приглашенных докладчиков, по одному на каждую (официальную) дисциплину синоби.

В первую очередь речь шла о полиции, вероятно, потому, что докладчик оказался таким кратким. Там работали как гражданские лица, так и шиноби, и любой мог подать заявку, но подавляющее большинство сил составляли Учиха. Если кто-то из них решит служить в полиции, то от него ожидалось, что он будет компетентным с точки зрения способности подчинять, не убивая, находить информацию, руководить и выполнять множество различных заданий одновременно.

Шиноби-следопыт, шедший следующим, был немного более разговорчивым. Он был Инузукой и

объяснил, что у шиноби, специализирующихся на отслеживании, обычно было три вида миссий: отслеживание пропавших людей (как ниндзя, так и гражданских лиц), отслеживание пропавших предметов (обычно тех, чья ценность была выше, чем у любого, кто прикоснулся бы к ним). это при его жизни), и действовать как разведчики (выясняя, кто куда ушел, безопасны ли границы, как разыгралась невидимая битва...)

Студенты Академии, желающие хорошо разбираться в отслеживании, как ни удивительно, должны были знать, как отслеживать. Также ожидается, что они будут достаточно хороши в тайдзюцу и разрушении гендзюцу, а также будут обладать хорошей выносливостью.

Совсем другое дело – быть инструктором Академии, специальностью следующего докладчика. Преподаватель Академии, как объяснил оратор, был просто ступенькой к более высоким должностям. Инструкторы Академии, как правило, становились инструкторами-джонинами, да, но главным стимулом для того, чтобы стать ими, была более высокая, чем средняя зарплата, и возможность работать в офисе Хокаге, а не только это, но из трех Хокаге, которые правили, двое какое-то время проработали учителями чуунинов, пусть и недолгое. Почти все старейшины тоже в юности преподавали в Академии. Если ваши цели носили политический характер, очевидно, вам следует стать инструктором Академии.

Доктор с обеспокоенным видом последовал за инструктором Академии и слишком долго говорил о необходимости большего количества ниндзя-медиков, о их силе спасти жизни. Казалось, он впервые выступал перед такой большой аудиторией, и это было видно.

Следующим был T&I, который Сакура в основном проигнорировала — она слишком много раз слышала речь в ее различных формах в резиденции ее клана, чтобы нуждаться в повторении, и, вероятно, могла бы процитировать ее полностью по памяти еще до того, как говорящий начал. .

Следующим шло исследовательское подразделение, от лица которого говорил странно жужжащий Абураме. Это была работа, которая действительно заинтересовала Сакуру, и она слушала более внимательно, чем другие, пока куноичи говорили о технологиях и их силе изменить мир. Вскоре речь закончилась, и слово взял ниндзя-диверсант.

И быстро ушёл.

Судя по всему, все, что им нужно было знать, это то, что они существуют: диверсанты будут следить за тем, есть ли нужные им студенты Академии, а не наоборот.

Она задавалась вопросом, действительно ли они были АНБУ. Это казалось вероятным.

Следующим шел ведущий, коренастый Сарутоби, который на самом деле был отцом одного из ее одноклассников. Яманака редко оказывался на передовой, поэтому ей это было не особенно интересно, но ее одноклассники в целом казались взволнованными, прямо наклоняясь вперед, когда он описывал масштабные сражения, включающие ниндзюцу, тайдзюцу и киндзюцу, и такое количество чакры в воздухе, что было трудно дышать.

Видимо, ее сверстники пропустили предложение, в котором говорилось, что из этого боя живыми вышли менее трети.

День завершился выступлением докладчика из отдела криптологии, который, как и предыдущий диверсант, перед уходом почти не разговаривал.

Аой, внезапно вспомнила она, мимоходом говорил об интересе к криптологии, прежде чем

уйти из сил шиноби. Она задавалась вопросом, чем именно занимается департамент.

После окончания выступлений каждому ребенку была вручена маленькая карточка, на которой он изложил три своих текущих варианта выбора. Предполагалось, что они будут делать это один раз в семестр каждый семестр до окончания учебы, чтобы увидеть, в чем заключаются их интересы и как они меняются с течением времени.

Чинмоку собрались вместе, и Сакура первой положила ручку на бумагу.

Исследовать

Следующим был Шин, который на секунду задумался, а затем положил...

Криптология

Джуро шел последним и не торопился, прежде чем наконец записать:

ниндзя-медик

Затем все трое скопировали ответы других на свои карты, прежде чем сдать их. Ино-Шика-Чо ничего не делал отдельно до тех пор, пока не стал чуунином, включая выбор того, что они будут делать в качестве чуунина (не говоря уже о том, что у них редко возникали одинаковые желания). : единство было важнее честности.)

Однако она задавалась вопросом, почему они выбрали то, что у них было. Это было не столько неожиданно, сколько неожиданно. Возможно, им следует сделать то же, что и другая команда Ино-Шика-Чо, и поговорить. Или, возможно, подумала она, заметив, как другая команда яростно спорит в углу, по-видимому, не приблизившись к заполнению своих бумаг, как это было в начале, в конце концов, в молчании есть некоторые преимущества.

.

Брак Рена и Икуэ по причине, которую Сакура не объяснила, когда она спросила, состоялась почти без предупреждения в тоскливое воскресенье в середине февраля. Присутствовала значительная часть кланов Яманака и Нара, чтобы пожелать им отправиться в путешествие, а также несколько коллег Рена из T&I, которые большую часть времени дразнили Рена по поводу женитьбы на девушке старше полугода. на фут выше его.

Несмотря на погоду, это была прекрасная церемония, и двое, занимавшие центральное место, явно любили друг друга. Икуэ, как знала Сакура, никогда не преодолела генина, но на самом деле не хотела этого и с добротой ушла в отставку, вместо этого перейдя к гораздо более повседневной работе — работе в библиотеке Яманака.

Тем не менее, она, видимо, слишком хорошо отнеслась к выходу на пенсию — официально она ушла только прошлым летом, и, как Сакура узнала во время церемонии, свадьба состоялась в феврале не из-за какой-то особой любви к холодному месяцу, а больше из-за желание закончить свадьбу до того, как Икуэ начнет появляться.

Тем не менее, это было приятно, и обе семьи относительно хорошо проводили время. Сакура, Шин и Джуро нашли скамейку возле одного из углов, чтобы сесть на нее после того, как из-за усталости они, наконец, отказались от индивидуальных сражений и съели сладости, вес своего тела, и вместо этого все трое дружно сели на краю шума. , наблюдая, как взаимодействуют их семьи, а они сами проскользнули незамеченными.

Это был 27 год Конохи, и жизнь была хороша.

Это, конечно, не могло продолжаться долго.

К счастью, мировая война не была на горизонте — этот конкретный аспект жизни закончился в Конохе 16 и с тех пор не возвращался. Проблема была более... личной.

К концу весны Рен, которому сейчас 18, и Икуэ поселились в двух кварталах от дома Сакуры, и она и остальные члены семьи были частыми гостями, чтобы убедиться, что у Икуэ все в порядке, несмотря на ее беременность. Шестнадцатилетняя Саюри теперь официально встречалась со старшим братом своей (бывшей) лучшей подруги Юа, но уехала на долгосрочную миссию с командой слежения, откуда у нее не было даты возвращения.

Аой, которому уже исполнилось половину 14-го года обучения, все еще отсутствовал, и все по-прежнему вели себя так, как будто это не имело значения.

Камуи тоже покинул дом, исчезнув в мире специй и особых мясных нарезок под взглядом бдительного шеф-повара Акимичи.

Летом Акина и Арато должны были стать генинами. Они, как и Аой, начали упоминать о возможном уходе, несмотря на то, что, как и Аой, в прошлом не выказывали никакого желания делать это. Каа-сан даже не моргнул.

Аяме, как всегда, был свеж и вступил в Академию с таким рвением, о котором только можно было мечтать. Она решила, что ее цель — стать одной из первых женщин-передовиков Яманака с тех пор, как они присоединились к деревне.

Она все еще не могла использовать ни одного дзюцу.

Фудзио также хорошо учился в классе, который был на два семестра выше, чем у Сакуры. Она понимала, что он был в лучшей половине своего класса во всем, кроме тайдзюцу, и поэтому начал уговаривать Акину и Арато обучать его в то небольшое свободное время, которое у них было.

Кохана, которой сейчас пять лет, наконец-то поступила в предакадемический класс, но уже начала говорить о том, что предпочитает заниматься чем-нибудь другим. Хотя в детстве ей нравилось бегать, прыгать и играть, но чем серьезнее становились уроки, тем меньше они ей нравились, и она начала строить задумчивые взгляды в цветочном магазине их клана вместо того, чтобы практиковать необходимые ката.

Сакура все еще разгадывала океан историй, которые терзали ее мозг каждую ночь.

Химари, почти в три года, обнаружила, что ей нравится забираться на крышу всякий раз, когда кто-то стоит спиной.

А Каэде? 13-летняя Каэде, у которой день рождения был в один день с Саюри, которая была двойником Камуи во всех физических аспектах, которые можно упомянуть? Каэде, милая, нежная, добрая и всегда готовая протянуть руку помощи?

.

Свадьба Рена состоялась в холодный день, когда облака были такими многочисленными и такими тяжелыми, что почти опускались до земли. Незадолго до окончания свадьбы они

сбросили свое бремя, обрушив водопад на тусовщиков, спешащих домой.

Похороны Каэде состоялись в безоблачный день на небе, когда влажность, как ни странно, отсутствовала, а легкий ветерок не давал слишком жарко. Это произошло в мае, когда цветы были в полном расцвете, а воздух наполнялся щебетанием птиц.

Похороны Каэде состоялись на следующий день после того, как они узнали о его смерти, и этот день произошел всего через несколько часов после того, как Сакура раскрыла первое воспоминание Арден о мире, который она знала - воспоминание, которое показало «оживление» сумасшедшего человека, угрожающий убить всех в Конохагакуре. Сакура отбросила это воспоминание, решив лечь спать и разобраться с этим на следующий день, но на следующий день...

Им не сказали, как он умер, и им не дали тела, на которое можно было бы заявить права, а горло Сакуры было перекрыто так плотно, что она забеспокоилась, что потеряла способность говорить и есть навсегда.

Она знала, что он был генином, и каждый генин попадал в потенциально опасные для жизни ситуации, но все было по-другому, когда генин был твоим братом, когда были его похороны, на которые тебе приходилось приходить со слезами, обжигающими глаза, и ладаном, обжигающим нос. и образ сумасшедшего, сжигающего твой мозг.

То-сан появился из ниоткуда, чтобы возглавить похороны. Он не был там почти год, будучи черт знает где, делая черт знает что для Народа Огня, но он появился совершенно неожиданно в день похорон и возглавил мытье рук, возжигание благовоний. горение, и надпись на табличке.

Никто не говорил.

Накануне вечером Каа-сан облачила ее в простую, неокрашенную одежду из конопли, и Сакура, проснувшись, обнаружила всех остальных в таких же нарядах, так что сцена за пределами храма представляла собой море бежевой ткани, светлых волос, бледной кожи и красного цвета. глаза.

Сакура старалась не плакать слишком громко — ей было приказано вести себя как можно тише.

Когда погребальный обряд был наконец завершен и имя ее брата было начертано на табличке тех, кто направлялся в загробную жизнь, каждому Яманаке, Наре, Акимичи и другим присутствующим священник подарил по одному цветку. Только когда каждому участнику было вручено по одному цветку, каждый как один начал рвать цветок на части - напоминание о длительном воздействии смерти Каэде и о том, как она затронула не одну жизнь.

Дело в том, что Сакура была так занята, так постоянно заставляла свой разум поглощать всё больше, больше, больше, что казалось, что свадьба Рена состоялась только накануне. Она помнила, как была прижата между Джуро и Шином к одной из стен, наблюдая за улыбающимися лицами вокруг них, которые отчаянно пытались не заснуть, пока не пришло время уходить.

Она помнила красоту и обилие цветов, которые заполняли каждый уголок и закоулок, заставляя церемонию переливаться всеми цветами воображения, одеждой всех мыслимых стилей, смехом, окрашивающим воздух во все оттенки.

Перейти от этого к бледным людям, бледной одежде, даже к бледным цветам, за время, которое все еще казалось меньше недели?

Сакура попыталась проглотить узел на шее. Ей это действительно не удалось.

Ей было четыре года, и она только что потеряла своего первого брата и сестру. Она знала, что это не будет ее последним.

<http://tl.rulate.ru/book/96215/3289481>